

Глава 4

С голубой дорожки на скользкую

С того самого вечера в заснеженном Мичигане, когда Брюс Кимболл протянул мне первый в моей жизни стакан пива, я подсознательно почувствовал, что алкоголь станет для меня проблемой. Может, и не прямо сразу почувствовал, но какое-то время спустя. Хотя спиртное и стало чудесным эликсиром, исцелившим мое неумение общаться, но моя тяга к нему была чрезмерно сильна. В семье не увлекались спиртным — уж скорее наоборот, — но не нужно было знать об алкоголе многого, чтобы понять: в такой магнетической привлекательности нет ничего хорошего. Переломанные ребра могли лишь укрепить меня в этом подсознательном убеждении. Но это вовсе не означало, что я собирался принимать какие-то меры; просто я получил сигнал о приближении неизбежных неприятностей. Так что толку думать о плохом? «Если проблемы не замечать, то ее и нет».

Понадобилось немного времени, чтобы один пьяный вечер в неделю перерос в два. К весне первого курса я проводил за выпивкой четыре-пять вечеров в неделю. Но разве это ненормально для студенческой жизни? Так почему бы и не забить на учебу, а вместо этого пойти в среду на пивную вечеринку к Филу Делту? Я все еще получал высшие отметки. Когда вы молоды и полны сил, можно вечером забуриться на тусовку, утром сходить на тренировку и прийти на занятия подготовленным. Да, конечно, от меня чуток несло, когда в шесть утра

я вставал босыми ногами на бетонную площадку бассейна DeGuette Pool — но я был такой не один. И я никогда не опаздывал.

На соревнованиях Pacific-10 в мою первую университетскую весну мне удалось показать свои лучшие результаты. Тем не менее я по-прежнему самую малость не дотягивал до минимальных показателей, необходимых для участия в первом дивизионе NCAA. Жестокое разочарование. Но в то же время где-то в глубине души я знал, что и не заслуживаю квалификации. Стэнфорд одержал вторую подряд победу на чемпионате NCAA в Индианаполисе. А я проторчал это время дома, оставшись без вождя чемпионского кольца. Вдобавок мои результаты стали ухудшаться.

Я продолжал плавать, но любовь к спорту слабела, таяла, пока не ушла окончательно. Впервые за всю жизнь плавание превратилось для меня в повинность. Я постоянно уставал. Помню «Рождественский слет» на первом году обучения. Это была ежегодная традиция, когда команда заранее возвращалась после каникул во впавший в зимнюю спячку кампус и две недели тренировалась дни напролет, куда глаза на лоб не полезут. Между тренировками я только ел и спал, а просыпаясь, ощущал единственное чувство — ужас.

Тогда я начал медленно, но верно предавать забвению многочисленные амбициозные цели как в бассейне, так и вне его. Страсть к плаванию, как и ко многому прочему, угасала. Осталось только стремление гулять допоздна, надираться и вообще по возможности приятно проводить время. Я даже перестал ходить на биологию человека — предмет, который раньше считал для себя главным, — до странного быстро отказавшись от давней мечты стать медиком. Единственный аргумент, который я могу вспомнить, звучал так: «Кому нужна вся эта морока?» Я перестал видеть дальше собственного носа и задавался лишь одним вопросом: «Что развеселит меня на этот раз?» Ответ был один — выпивка.

На втором году обучения мои спортивные результаты точно отразили мою апатию. На третьем году тенденция закрепилась и усилилась. Как нетрудно догадаться, я по-прежнему не получал квалификации для NCAA, вновь упуская шанс одержать со своей командой победу (уже третью по счету) и получить чемпионское кольцо. Готовясь

к Pacific-10 весной третьего учебного года, я торжественно поклялся себе и товарищам по команде целый месяц не брать в рот спиртного перед важнейшим соревнованием года и питал большие надежды, что наконец-то войду в команду NCAA. Увы и ах. Я не продержался и недели. Нет нужды говорить, что квалификацию я не прошел. Несмотря на тысячи миль, которые я проплыл по дорожкам Стэнфорда, даже в школе я плавал быстрее, чем теперь. Но вместо того чтобы начать бороться с прогрессирующей зависимостью, я просто покинул спорт — ушел раз и навсегда.

Не могу сказать, что решение далось мне легко. Я вынашивал его многие недели.

Весной, в межсезонье, я пришел в кабинет Скипа.

— Я решил покончить с этим, Скип. Не могу больше.

Я ждал, что тот начнет спорить, постарается меня переубедить, станет уверять, что команда по-прежнему нуждается во мне. Но он, едва подняв глаза от газеты, лишь пожал плечами.

— Ладно, Рич. Удачи.

И больше ни слова. Перед лицом столь неожиданного безразличия я растерялся. Это что, такая пассивно-агрессивная тактика? Джедайский трюк по управлению разумом? Бывший морпех и снайпер, пошедший добровольцем на войну во Вьетнаме, Скип был из тех, кто пленных не берет: мастер вправить мозги, не гнушающийся, если надо, наорать как следует. А тут — тишина. Но он всего лишь понял, что спорт больше меня не волнует. Так какое ему до меня дело? Последние три года он только и наблюдал, как я упускаю один шанс за другим. У него были заботы поважнее, чем разбираться с моим приступом жалости к себе. Например — как завоевать четвертую победу подряд на чемпионате NCAA. И у него для этого были настоящие спортсмены, дисциплинированные и честлюбивые. А я в их число уже не входил. Он знал это так же хорошо, как и я.

Скатертью дорожка.

Я иногда думаю, как сложилась бы моя карьера пловца, реши я прямо тогда что-то сделать со своим пьянством. Но, как говорится, задним умом крепок. А в тот момент я не мог предаться самоанализу. Чтобы кинуть на себя беспристрастный взгляд, потребовались бы мужество и сила, которых у меня просто не было.

И я стал отрицать очевидное — верный симптом алкоголизма. В своих неудачах я винил всех, кроме себя: Скипа — за его равнодушие ко мне; расписание тренировок — за то, что я перетрудился; родителей — за избыточную опеку; учебу — за то, что ее поставили во главе угла моей жизни; и еще я винил Бога, в которого не верил, за то, что он позволил мне скатиться вниз.

После короткого разговора со Скипом меня охватило чувство глубокой печали и утраты — то же, наверное, испытывают на похоронах. Сколько я себя помнил, плавание было для меня всем. А теперь оно ушло из моей жизни. Я не был готов к разразившейся внутри буре эмоций; будто земля уходила у меня из-под ног. «И что теперь?» — думал я, внезапно поняв, что никогда по-настоящему себя не знал: кто я такой, что мне действительно интересно, чего я хочу добиться вне бассейна.

В душевном раздразе я забрался в свой старый зеленый «вольво» и направился в округ Марин — живописную местность к северу от моста Золотые Ворота. Я взобрался на холм возле порта Саусалито, откуда хорошо был виден остров Алькатрас, и понял, что пропал. Из глаз брызнули слезы, я зарыдал, и рыдал чуть ли не целый час.

Хотел бы я сказать вам, что именно тогда настал момент просветления и я понял: мою спортивную карьеру погубил алкоголь и пора (давно пора) найти решение проблемы, прежде чем не стало еще хуже. Но, к сожалению, это не так.

Когда слезы высохли, а катарсис миновал, пришло облегчение: я освободился из этой пропахшей хлоркой темницы, в которой томился сколько себя помню. Забавно, как работает мозг — сколь быстро я сумел позабыть о той любви, которую испытывал к плаванию, и о тех благах, которые мне эта любовь принесла. Но в ту секунду плавание казалось мне не чем иным, кроме как помехой для беззаботного житья. Итак, я вернулся в кампус и больше не тратил время попусту, при любой возможности предаваясь веселью. А веселье означало для меня одно — наклюкаться. И хорошенько.

Выпускной курс прошел как в тумане. Все смешалось в ослепительном калейдоскопе ночных гулянок, вечеринок, девушек и похмелья. Я, прямо скажем, пустился во все тяжкие. Но это было так весело. Я прыгнул в бурную реку и радостно крутился в ее водоворотках.

Но я знал, что до выпуска нужно найти какую-нибудь работу. Что вы делаете, когда не знаете, какую профессию выбрать? Правильно. Вы идете в юристы. По крайней мере в моем случае было так.

Мой отец в принципе был доволен своей карьерой. Не могу сказать, что я обожал юриспруденцию — я даже не догадывался, чем, собственно говоря, занимаются юристы изо дня в день, — но мне такая работа показалась необременительной и респектабельной. Я буду носить костюм, сшитый на заказ, а может, и очки в дорогой оправе. Стану работать в стильном офисе с красивым видом из окна. Во время долгих бизнес-ланчей в модных ресторанах буду обсуждать текущие вопросы. И без особого труда вольюсь в городскую элиту. Иными словами, мой интерес к этой работе совершенно не касался ее сути. Но я опоздал подать заявление в юридическую школу на следующий год. Может, провести этот год на практике в какой-нибудь юридической фирме, заодно и присмотреться, что к чему? Я сделаю первые шаги в выбранной карьере и начну зарабатывать, чем успокою родителей.

Следующей осенью я начал работать помощником юриста в Skadden, Arps, Slate, Meagher & Flom — крупной нью-йоркской фирме, которая сделала себе имя во время бума слияний и поглощений в 1980-е годы. Должность сложно было назвать высокооплачиваемой, однако соцпакет включал компенсацию затрат на обучение в юридической школе — недурственно, раз уж я решил заделаться законником. Раньше я всего однажды был в Нью-Йорке, и то недолго. Он казался мне таким экзотичным; хотя город находился всего в нескольких часах езды к северу от округа Колумбия, но это был совершенно иной мир, если сравнивать с местами, где я вырос. Нью-Йорк, рассудил я, полон волнующей новизны, в которой я нуждался, чтобы скрасить скуку трудовых будней. Но главная мысль, бившаяся в моем мозгу, была такова: «В Нью-Йорке мне не нужна машина. Я не сяду за руль. А значит, я могу пить сколько угодно, не беспокоясь о штрафах».

Итак, я отправился в Манхэттен прежде всего потому, что он казался отличным местечком, чтобы налакаться вволю. Да так оно и было. Я с полной ответственностью могу назвать Нью-Йорк «Диснейлендом для алкоголиков» — гигантская зона высокоградусных развлечений, где жизнь кипит и ничто не слишком.

Переехав в крошечную квартирку в деловом центре вместе со стэнфордским пловцом Мэттом Нэнсом, который получил работу аналитика в Morgan Stanley, я не мог дождаться, когда заживу самостоятельно.

Но, приступив к своим обязанностям в Skadden, я увидел, что все мои опасения насчет рутины и скуки полностью оправдались. Я и вообразить ранее не мог, сколь сера, безрадостна и муторна моя работа. Часами я, сгорбившись, простаивал над ксероксом, пока не начинало ломить спину. Текли недели заточения в кабинете, где не было окон, зато от пола до потолка высились стопки из коробок с бумагами. Мне вменялось в обязанности раскладывать документы в папки по датам или по тематике. Если день был особенно удачный, мне поручали «редактировать» информацию из документов. Это интригующее поручение в действительности означало, что я должен был отмечать наиболее важную информацию белыми закладками — с утра до вечера, день за днем, бесконечно.

Но было занятие, вводящее в еще больший ступор, если такое возможно, — пронумеровать груды бумаг, чтобы в будущем облегчить адвокатам поиск. Сегодня эту каторжную работу целиком выполняют компьютеры. Но в 1989 году требовалось вручную проштамповать порядковые номера на каждой странице документа при помощи нумератора Бейтса — допотопного, еще довоенного, тяжелого металлического агрегата с резиновой печатью, в которой автоматически сменяются символы. Работенка не бей лежачего — если только вам не приходится штамповать тысячи страниц. Кто-то же должен был это делать — так почему не выпускник Стэнфорда?

Проходили долгие часы. Планы на вечер или уик-энд? Какое там! Большую часть времени, что не спал, я проводил на работе, где растрачивал жизнь в обмен на 22 тысячи долларов ежегодного жалования и привилегию давать себя эксплуатировать в хвост и в гриву измученным стрессами и хроническим недосыпом юристам, которые срывали злобу на подчиненных. Бесчисленное количество раз я наблюдал, как, казалось бы, приличные люди ударялись в слезы или в приступе бешенства бросались на окружающих. Как-то раз один адвокат швырнул прямо мне в лицо тяжеленный сборник федеральных законов...

Я не пытаюсь вызвать у вас жалость — наверное, в рудниках работа потяжелее. Это всего лишь зарисовка из жизни нью-йоркской юридической фирмы восьмидесятых — реальность, которая сильно отличается от того, что показывают по телевизору или рассказывают наивным студентам-юристам, и еще сильнее — от той юридической практики, которую любил мой отец.

Если бы еще тогда я понял, что юридическая школа не для меня и нужно поискать более осмысленное занятие. Но увы. Это была моя первая настоящая работа. Поэтому я считал, что все в порядке вещей, что именно так и выглядит работа в мире американских корпораций. «Именно этим, — думалось мне, — и должны заниматься образованные люди вроде меня».

И все же я не стремился к тому, к чему шли все эти юристы, — несчастному одиночеству на вершине горы из денег. И даже в их одобрении я не нуждался. Мне просто было все равно.

Я знал, что и самая привлекательная должность не принесет мне ничего, кроме новых обязанностей. Поэтому, когда мой телефон звонил, я не брал трубку. И прежде чем перезвонить, выжидал час, чтобы юрист, который звонил с поручением, наверняка успел отыскать другого помощника. Много раз, мучимый похмельем, я запирал дверь на замок, выключал свет и погружался в дрему. А в другие дни я уходил из офиса, просиживая долгие часы за ленчем, шатаюсь по улицам Манхэттена или сидя в киношке — и никто ничего не знал. Если бы кто-нибудь спросил, где я был, то я бы придумал какую-нибудь историю. Но никто никогда не спрашивал. В огромной компании не считали нужным отслеживать продуктивность мелкой сошки вроде меня, и я охотно пользовался этим преимуществом.

Мой приятель по работе Адам Глик любил повторять: «Ну, чувак, официально заявляю: ты худший помощник юриста в истории „Скаддена“». Кто бы спорил.

Но и другое мое предчувствие тоже оправдалось. Тоска рабочих часов компенсировалась насыщенной жизнью за пределами офиса. Я завел отличных приятелей среди таких же, как я, помощников и влился в тесную компанию любителей гулять допоздна. Мы называли себя «Малобюджетные короли».

Хмельная «жажда странствий» увлекала меня в самые разные закоулки ночного Манхэттена, проводя через бары в даунтауне, модные клубы, суаре в лофтах и вечеринки после вечеринок. Как-то раз я очутился в подвале некоего обветшалого, полупустого здания в даунтауне, где играли в карлик-боулинг, иначе известный как «швырни гнома» — варварское развлечение, ныне объявленное вне закона, реликт Нью-Йорка девяностых: карлика в специальном костюме, подбитом ватой и покрытом липучками, участники вечеринки, будто большой мяч, бросают на стену, тоже мягкую и в липучках, состязаясь на самый дальний бросок. Я читал об этой игре в книге Брета Истона Эллиса «Американский психопат», но полагал, что это всего лишь литературный вымысел*. И вот мне довелось наблюдать это воочию.

Примерно в то самое время мой товарищ по комнате Мэтт Нэнс начал тренироваться для Манхэттенского плавательного марафона — почти 46 километров вокруг острова Манхэттен.

— Тебе бы следовало присоединиться ко мне, — настаивал Мэтт.

«Плыть вокруг Манхэттена? — подумал я. — Включая реку Гарлем?» Ага, сейчас. И дело не в том, что затея казалась трудной для выполнения, — мне просто было неинтересно. Я был слишком занят, пробуждаясь в незнакомых помещениях, блуждая по безлюдным улочкам ночного даунтауна и не желая ничего, кроме выпивки, хот-догов из Gray's Paraya, гамбургеров из McDonald's и пиццы из Ray's Pizza. Хотя в те дни я был неспособен на подобные умозаключения; я хаотически дрейфовал по течению, медленно приближаясь к окончательному саморазрушению.

И снова дурной знак. Перед началом учебного года мне сообщили, что мое имя было выбрано последним из списка ожидания на поступление в юридическую школу Корнелльского университета. После череды отказов это стало последней возможностью сделать карьеру в юриспруденции. Принимая во внимание мой далеко не блестящий опыт в Skadden, мое упорство в выборе профессии было достойно лучшего применения. Но в то время это казалось хорошей идеей.

---

* Видимо, автор ошибается, поскольку в «Американском психопате» такого эпизода нет (хотя карлики в романе фигурируют). Похожая, но не в точности такая же игра описана, например, в романе Джордана Белфорта «Волк с Уолл-стрит». *Прим. ред.*

Возможно, некий защитный инстинкт намекнул мне, что это шанс, который поможет не оступиться в очередной раз.

Менее чем через сутки, проведенные в пьяном забвении, я очутился в симпатичном местечке Итака, штат Нью-Йорк. Войдя в лекционный зал, где дородный профессор Гендерсон потчевал группу жадных до знаний студентов-первокурсников увлекательными положениями деликтного права*, я ощутил, как кружится моя бедная голова. Оглядев аудиторию, я отметил очевидный факт: все прочие студенты явно провели большую часть лета, готовясь к сему знаменательному дню. Пока я изучал глубины манхэттенского «дна», мои соученики прилежно прочли все книжки из длинного списка и прибыли в состоянии полной боевой готовности. Единственное, что хорошо изучил я, — это расписание «счастливых часов» в барах. Шесть тысяч заявлений и всего 180 мест. И мне дали зеленый свет последнему из всех. Полный отстой.

Я невольно задумался, не совершаю ли огромную ошибку. Но вышло так, что в юридической школе мне понравилось. Я с облегчением почувствовал, что выхожу на прямую дорогу — и неважно, куда она ведет. Не могу сказать, что профессора в Корнелле привили мне любовь к юриспруденции, но я был рад вернуться в академическую среду и преодолевать трудности учебы.

Я всегда отличался чувствительностью к погоде. Мое настроение на день зависело от того, светит ли за окном солнышко. Назовите это «сезонной депрессией» или просто недостатком витамина D, но сначала прохлада Итаки вгоняла меня в тоску не хуже снегопада. Однако я знал лекарство от сей беды. Вы уже догадались. Погода шепчет: займи, но выпей.

А я-то лелеял надежду, что, выбравшись из Нью-Йорка, покончу с пьянками. Не то чтобы я считал алкоголь злом. Но в глубине души мне не нравилось, что выпивка управляет мной, а не я выпивкой.

Но, разумеется, куда бы я ни переезжал, от себя не убежишь. И вскоре все вернулось на круги своя.

А кроме того, здесь мне приходилось водить. Появились штрафы за вождение в нетрезвом виде. Много штрафов.

---

* Деликтное право (от «деликт», что значит «проступок, правонарушение») регулирует случаи, когда действия одного лица ведут к ущербу для другого лица. *Прим. ред.*

Когда же пасторальный пейзаж начинал навевать скуку, я спасался в Манхэттене — четыре часа на машине казались малой ценой за уик-энд, проведенный под блаженным воздействием алкогольных паров.

Я как-то умудрялся получать хорошие отметки. Конечно, не А, но В или В с плюсом*. Ладно-ладно, было чуток С — но немного, и даже порой, выравнивая баланс, мне перепадали А. Совсем неплохо, думал я. С учетом того, что я был последним, кого приняли на курс, я считал, что все, что лучше последнего места, — уже успех. Небо и земля, если сравнить с неумными амбициями молодости. Огонь, горевший в груди в юные годы, не просто стих — полностью затух.

Как-то раз я влил в себя полдюжины банок пива Beck's, пока ехал в «вольво» на презентацию своего доклада по российскому конституционному праву. Занятия начинались в два часа пополудни. Возможно, я придурок, но не полный тупица. Я отлично понимал, что, вероятнее всего, меня ждет провал. Так зачем же я это делал? У меня нет удовлетворительного объяснения. На самом деле даже задавать такой вопрос бессмысленно. Я катился по наклонной, не в силах остановиться.

Выслушав пятнадцать минут моих разглагольствований, приглашенный профессор из Москвы отозвал меня в сторону.

— Вы не могли бы задержаться на несколько минут после занятия? — спокойно спросил он; его сочный русский акцент был в точности такой, как у киношных кагэбэшников. Алкоголь еще циркулировал в моих жилах, и при этих словах я даже дышать перестал. «Добро пожаловать в ГУЛАГ».

Когда аудитория опустела, я, сжавшись от страха, подошел к профессору. Тот положил мне руку на плечо. На его лице играла странная улыбка.

— Ричард, ваш доклад превосходен. На А с плюсом. С вашего позволения, я хотел бы представить его Конституционному собранию в Москве.

«Не может быть!!!» Речь шла о специальном органе из семисот видных политиков и юристов, приглашенных для внесения изменений в Конституцию России. Вместо неизбежного фиаско, дисциплинарного

---

* В американских учебных заведениях отметки обозначаются буквами А (высшая оценка), В, С, D и F (низшая). *Прим. ред.*

наказания, а то и исключения, к чему я уже был готов, меня вдруг решили поощрить.

Какой бы вывод я мог из этого сделать? Конечно же: «Выпивка — решение твоих проблем, а вовсе не причина».

Весной третьего, последнего года обучения я получил предложение работать в юридической фирме Littler Mendelson из Сан-Франциско, которая специализировалась на трудовом праве. Вы спросите, питал ли я особый интерес к трудовому праву? Вряд ли. Но компания была отличной, а жалование достойным. Чего же еще желать. А кроме того, гарантированное место позволило забыть все прочие заботы о будущем, в частности о том, какие у меня будут оценки, и оставшиеся дни в юридической школе я провел не просыхая.

В день выпуска, едва успев проснуться, я промочил горло. Восемь или около того банок пива последовали одна за другой без перерыва, пока я надевал элегантное, черное с бордовым, облачение (шапочка и мантия) новоиспеченного доктора права и ехал в кампус, чтобы принять поздравления от ликующих родителей и кое-кого из друзей. Наслаждаясь на редкость теплой погодой, первую половину дня я набирался то с одной компанией, то с другой.

Пришло время отправляться в прекрасный амфитеатр под открытым воздухом. Следуя в процессии, я потихоньку добавлял из серебряной фляжки, которую предусмотрительно протащил с собой мой приятель. И вот, когда я глядел на соучеников, которые по очереди поднимались на сцену для вручения диплома, мне в голову пришла мысль: насколько же мы все одинаковые, мы, новоотштампованные юристы, только что с конвейера Корнелльской фабрики. Несмотря на праздничное окружение, солнышко и массу причин испытывать благодарность, радость и гордость, меня охватило ощущение удушающего отчаяния. «Неужели это все, что у меня есть?»

В тот момент я почувствовал настоятельную потребность выделиться из толпы. И вот, когда назвали мое имя, я сбросил ботинки и носки и вышел на сцену, чтобы получить свой диплом перед лицом трех сотен студентов, преподавателей и родственников... босиком!

В тогдашнем состоянии хмельного драйва эта идея показалась мне гениальной. Я продемонстрировал всем, какой я клевый и раскованный.

«Настоящий крутой парень калифорнийского разлива». Боже, какая тупость...

Друзья и однокашники бурно приветствовали меня — ну, или по крайней мере так я истолковал их реакцию в тот момент. Но профессора на помосте особого восторга не выразили. А уж родители и вовсе были в шоке. Когда я подошел к ним после церемонии, то был сражен видом их лиц: на них читались испуг, стыд и разочарование. Этот образ навсегда останется в моей памяти незаживающим шрамом. Тогда я совершенно не понимал, что выпускная церемония значит для полных гордости родителей ничуть не меньше, чем для самих студентов, — а возможно, больше. Этот день должен был стать для них наградой за те огромные жертвы, которые они принесли ради меня. И то, как я поглумился над этим, пусть и помпезным, мероприятием, не просто оскорбило их, но потрясло до глубины души.

В тот вечер за обедом они старались улыбаться и делать вид, что мой поступок не имеет особого значения. Но нанесенный ущерб уже было не восстановить. Тем же вечером они сдержанно попрощались со мной, и в этом прощании сквозили нотки некоего необратимого разрыва, как будто они без всяких слов говорили мне: «Теперь ты взрослый, теперь ты сам по себе». Ночью, уткнувшись в подушку, я плакал, коря себя за идиотскую выходку.

В Пало-Альто, где я планировал спокойно провести лето, готовясь к экзамену на адвоката, я снимал квартиру вдали от суматошной Университетской авеню вскладчину с Пабло Моралесом. Да, герой юности, фотография которого висела на стене в моей комнате, теперь жил со мной в одной квартире и готовился вместе со мной к экзаменам. Все еще не оправившись после выпускной церемонии, я дал клятву не пить целое лето. И я действительно этого хотел. Сосредоточиться на занятиях, сдать экзамен и начать с чистого листа.

К несчастью, я снова не смог убежать от самого себя. А если принять во внимание, что в 1994 году Стэнфорд стал хозяином чемпионата мира по футболу (и как же тут без фанатских пирушек день и ночь напролет), хранить трезвость не было никакой возможности. Стоит ли говорить, что экзамен я провалил.

И хотя меня огорчала необходимость пересдавать экзамен в феврале, работа помощником адвоката в Littler Mendelson приносила

некоторое успокоение. В отличие от Skadden, там трудились неплохие люди, уважающие подчиненных. И оплата была достойной. Я работал в деловом центре города, из великолепного офиса открывался вид на Алькатрас и Золотые Ворота, а с заданиями можно было справиться без особого напряжения. И все же я не мог заставить себя заинтересоваться трудовым правом и часами тоскливо пялился в окно, глядя, как в заливе клубится туман. Не иначе как чудо, что мне удалось окончить юридическую школу и попасть в действительно отличную фирму... «Я должен быть счастлив, — говорил я себе. — Отчего же так тошно жить? Что со мной не так?»

Сан-Франциско и Нью-Йорк — города разные, но оба мегаполисы, так что я оказался в знакомой среде. Я снял жилье вместе с Гэвином Холлесом, банковским работником и бывшим пловцом из Университета штата Луизиана, с которым мы как-то состязались на дистанции 200 ярдов баттерфляем. Гэвин — отличный парень, лучшего соседа по квартире не найти. Если придется охарактеризовать его одним словом, это будет слово «терпимость». Мы отлично проводили время, наслаждаясь ночной жизнью Сан-Франциско и слоняясь по барам портового городка Марина-дель-Рей. Но вскоре Гэвин обнаружил, что в моем лице получил несколько больше, чем рассчитывал.

Вот вам типичная картина моего рабочего дня в 95-м.

Доведя до совершенства навыки, приобретенные в Skadden, на службе я старался беречь силы, ограничиваясь лишь совершенно необходимым минимумом работы. Частенько я покидал офис, не имея никакой иной цели, кроме как в одиночестве прошвырнуться по улице. Я оставлял на спинке стула пиджак, чтобы создавалось впечатление, будто я где-то рядом — спустился в холл, работаю в тихой комнате для совещаний или встречаюсь с клиентом. Где-то около пяти я начинал поглядывать на часы, оценивая ситуацию и пытаюсь в точности определить, когда уже можно слинять. По пути из финансового квартала в Марина-дель-Рей я, как правило, парковался у любимого винного магазинчика и покупал четыре большие банки пива Саррого и бутылку совињон-блан. Прежде чем доехать до дома, я выпивал не менее двух банок, бросая опустевшие жестянки под сиденье. Все остальное я складывал в кожаный портфель. Если Гэвин был дома,

в этом портфеле я незаметно проносил выпивку к себе. Другими словами, я начал скрывать пристрастие к спиртному.

Выпив в душе еще одну порцию пива, я шел в спальню. Закрыв дверь, я включал телик на полную громкость, дабы заглушить звук пробки, вынимаемой из горлышка, и в одиночестве приканчивал запасы, пока Гэвин, тоже в одиночестве, обедал на кухне. И вот теперь, когда тело и мысли приобретали блаженную легкость, я мог полностью отдаться радостям и приключениям ночной жизни.

Я убедил себя, что Гэвин понятия не имеет, до чего я докатился. Но он, конечно, знал. Он сам рассказал мне об этом гораздо позже. Просто считал, что должен держать свое мнение при себе.

Забавно: те два года, что мы делили с ним квартиру, он участвовал в состязаниях Ironman и в заплывах на открытой воде. И пока я дрых в соседней комнате, он вставал до рассвета и отправлялся на тренировку. По выходным он уезжал из города на соревнования, например океанские заплывы на длинные дистанции, и нередко побеждал.

Гэвин часто уговаривал меня: «Давай, Рики, ты должен поехать со мной. Слово даю, там будет здорово». Ему нравилось называть меня Рики. Это прозвище я заработал, упившись однажды самбукой. Ну, знаете, Рики Самбука, Ричи Самбора* — каламбур такой. Ненавижу это прозвище. Но пристало оно накрепко.

Помню, как проводил долгие выходные в доме Гэвина на озере Тахо. Я проснулся часов около десяти. В поисках способа снять похмелье я отправился на кухню и встретил там Грега Уэлша, чемпиона мира по Ironman, и других триатлетов в их профессиональном прикиде.

— О, да вы, ребята, ранние пташки. Едете тренироваться? — спросил я.

— Только приехали, дружище, — ответил Грег с австралийским акцентом.

Грег добряк, но от моего жалкого вида даже у него на губах появилась тонкая усмешка. Пока я валялся в кровати, парни успели проехать полторы сотни километров вокруг озера. Какая-то часть меня при одной мысли от подобного подвига испытывала тошноту. Но другая... другая часть испытывала нечто иное. Стыд. «Почему я не такой, как они?»

---

* Ричи Самбора (род. 1959) — американский рок-музыкант, некогда гитарист группы «Бон Джови». Прим. ред.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

